

Сегодня мы вновь обращаемся к теме здоровья детей. Лишь 10% выпускников выходят здоровыми из общеобразовательной школы, 40% студентов-первокурсников нуждаются в помощи врача. По данным исследований РАМН РФ из-за непосильных нагрузок только половина нынешних 16-летних школьников доживут до пенсии (НО. 2001. № 2). Проблема уже приобрела государственный масштаб, ибо под угрозой генетическое выживание нации.

«Народное образование» постоянно обращается к теме здоровьесберегающей педагогики (см. 1999. № 6, 9, 10; 2000. № 1; 2001. № 2).

Школа угрожает здоровью детей и учителей. Как их защитить?

Ярослав БЕРЕГОВОЙ, редактор журнала «Педагогика толерантности»

В 1865 году, когда Д.И. Писарев работал над статьёй «Школа и жизнь» (132 года назад!), он не смог найти отечественной статистики по здоровью школьников «... в каком положении находится наша медицинская статистика? Существует ли она? Кажется мне, что о ней слышно так же мало, как и о школьном зобе» констатировал он и вынужден был приводить данные европейских медиков.

«Доктор Гильюм... производил свои наблюдения в Нефшателе... над учениками муниципального колледжа» и получил следующие цифры:

Всех учеников	731
Искривлений позвоночного столба	218
Школьных зобов	414
Хроническая головная боль	296
Периодические кровотечения	155
Итого болезненных случаев	1083

Все перечисленные болезни **порождены исключительно школьными занятиями.**

Не располагая данными отечественной медицинской статистики, Дмитрий Иванович всё-таки указывает на широкое распространение отечественных «учебных» заболеваний, которые он позаимствовал из журнала «Учитель». Был, оказывается, в те далёкие времена замечательный «толстый» (более 300 страниц) журнал, выходил с 1861 по 1870 г., в нём сотрудничали Н. Корф, В. Водовозов, В. Островский. Из него Писарев переносит в свою статью и общий вывод: «Давно уже... замечен тот факт, что школа имеет на детей особенное влияние, резче выказывающееся в физическом отношении. Влияние это выражается в том, что прежняя свежесть, бодрость и цветущее здоровье детей сменяются вялостью, истомлённостью и болезненностью. Некоторые даже перестают расти; большинство теряет свою прежнюю беззаботную весёлость и смотрят как-то угрюмо и боязливо. Влияние это нередко отражается и в умственном отношении: дети тупеют, теряют прежнюю даровитость и взамен её приобретают какую-то болезненную нервную раздражённость — признак слабосилия. Поэтому не совсем неправы те, которые говорят **о вырождении человеческого рода под губительным влиянием школы.**» (Учитель. 1865. № 9. С. 316).

Возможно, среди «тех, которые говорят» журнал имел в виду и Г. Песталоцци, который ещё в 1803 г. пришёл к выводу: в традиционных школьных условиях обучения происходит «убийство» здоровья детей. Так что мысль о том, что школа — фабрика по перемальванию детско-юношеского здоровья, — это вывод стародавний, проверенный многовековой практикой. И в прежние времена, и в наши дни отечественная медицина не любит заглядывать в школу, вмешиваться в её дела. Возможно, потому, что её служители в своё время сами прошли через 10 «кругов школьного ада», притерпелись к нему и вынесли из своих школьных лет твёрдое, непоколебимое убеждение: в школе иначе быть не может.

А между тем принципиальные вопросы организации школьной жизни педагоги должны решать не самостоятельно, а только в тесном содружестве с медициной, строжайше исполняя её требования. Какой продолжительности должны быть урок и перемена? Сколько и в каком классе может быть уроков в день? Как правильно организовать домашние задания? Каким по продолжительности должен быть общий рабочий день школьника? Сколько ему нужно выходных в неделю? Какой продолжительности должны быть каникулы? Сколько учеников может быть в классе и в школе в целом? Каких размеров, высоты, освещённости, температурного режима должны быть классные комнаты, кабинеты, лаборатории, библиотеки, мастерские? Как правильно обустроить пришкольную территорию? Как с точки зрения здоровья правильно оборудовать рабочее место школьника в классе и дома, какой должна быть рабочая мебель, одежда? Как влияют на организм детей «двойки», экзамены, учительская грубость, бескультурье, самовластие? И, наконец, как с точки зрения медицины должен быть организован, защищён труд учителя? Как сказывается на самочувствии, здоровье, продолжительности трудовой и общей жизни учителя традиционно сложившаяся, действующая и поныне система его труда? К какой трудовой категории (лёгкой, средней тяжести, тяжёлой) относится учительский труд и какие трудовые, социальные льготы ему положены?

Всё это требует самого тщательного исследования, результатом которого должны стать жёсткие, имеющие силу закона правила, требования. Необходимо разработать учебно-трудовое законодательство школьника и учителя и соответствующие ему правила безопасности, гигиены учебного труда. Подобные требования, нормы и законы давно разработаны, строго соблюдаются, контролируются во всех без исключения видах производства. Но этого нет и в помине в самом массовом, самом тяжком и самом нервзатратном сегодня виде производства — в школьном. На каждом без исключения производстве строго ограничена продолжительность рабочего дня, запрещены вечерние и ночные смены, работа в выходные дни для несовершеннолетних. В школьном же производстве на этот счёт нет и малейших ограничений, хотя здесь трудятся дети в возрасте от 6 до 16 лет.

Известный педагог и врач-психотерапевт Алексей Александрович Дубровский, страстный поклонник, последователь В.А. Сухомлинского, 10 лет руководил комплексом специализированных санаторных пионерских лагерей всесоюзной детской здравницы в г. Анапа. Со всего Союза ежегодно сюда поступало и около 500 учащихся 1–8-х классов с диагнозом: невроз. Выяснение причин возникновения болезни показало: следы ведут в школу. Были предприняты тщательные исследования, показавшие, что из ста неврозов, диагностированных у школьников с 1-го по 8-й класс, две трети возникли по вине учителей... Это дидактогенный невроз. Не правда ли, странно: дидактика всегда означала искусство обучения, а сегодня она превратилась в способ калечить детей неврозами с помощью дидактики.

«Что же делать? — спрашивает Дубровский. — Ответ ясен — надо устранить причины, вызывающие дидактогенные неврозы» (*Дубровский А.А. Открытое письмо врача учителю*).

Дубровский разрабатывает приёмы, методы, технологию своей собственной педагогики — лечебной. В 1988 г. издательство «Просвещение» массовым тиражом издаёт его брошюру «Открытое письмо врача учителю». Думаю, что её должен прочитать каждый учитель, каждый студент педвуза, да и каждый родитель. Не мешало бы прочитать это письмо и нынешним руководителям Минобразования, РАО, президентам, премьерам, политикам. Прочитать и тоже встревожиться, схватиться за голову: за прошедшие годы здоровье школьников катастрофически ухудшилось!

Дубровский пишет: «Министерство просвещения детально охраной здоровья школьников не занималось никогда. Оно всю жизнь кивало на Минздрав (который занимается этой охраной так же «детально», как и Минпрос. — *Авт.*)... Беда не только в том, что мы в прошлом плохо ориентировали учителя на охрану здоровья учеников, но огорчает и то обстоятельство, что сам учитель не научен беречь своё здоровье. Мой опыт подтверждает: не умеющий беречь своё здоровье не сумеет его сохранить и у других... Постоянная озабоченность охраной здоровья школьников может и должна приобрести характер закона, на каждом шагу определяющего действия учителя».

Доктор медицинских наук, профессор Владимир Филиппович Базарный ещё в середине 70-х годов заинтересовался проблемой: почему половина школьников страдают близорукостью? Проведённые им исследования показали: причина в неправильной рабочей позе школьников — недопустимо низком склонении головы к столу. Это сугубо школьное явление получило название «синдром низко склонённой головы». Голова, шея тянутся к столу, тянут за собой плечи и спину, деформируют позвоночник. В таком положении глаза испытывают постоянное напряжение и передают его шее, плечам, всему организму. Это происходит ежедневно, ежеурочно в течение многих лет, школьник портит своё зрение, искривляет осанку и становится близоруко-сутулым человеком.

Начав со зрения, Базарный не ограничился одной только близорукостью, поскольку вместе с ней школьников одолевает масса других «учебных» болезней. Многие из них порождены постоянной сидяче-согбенной позой, при которой все внутренние органы находятся в неестественном, противоположном, болезнетворном положении. А поскольку синдром согбенно-сидячей позы сопровождает школьника ежедневно, ежеурочно все долгие 11 лет учёбы, когда организм ребёнка ещё растёт, формируется, то болезни он творит с 1-го по выпускной класс. Подобно Дубровскому Базарный не ограничился констатацией этих явлений, а разработал здоровьесберегающую систему мер по профилактике, преодолению заболеваний и условий, причин, их породивших.

Против близорукости разработана новая методика «дальнего» чтения, координаторные офтальмотренажёры, зрительная гимнастика (по одной минуте через каждые 15 минут урока).

Против искривления позвоночника и против той же близорукости разработана новая учебная мебель: традиционная парта, позволяющая легко поднимать и опускать её верхнюю наклонную плоскость на нужную высоту (в зависимости от роста ученика), превращая парту на время в старинную конторку, за которой предпочитали работать стоя в добрые старые времена. Как показала многолетняя практика, в результате комплексного применения этих мер опасность близорукости и искривления осанки (а значит, и других, связанных с этим болезнью) снижается в 2,5 раза.

Сегодня забота о здоровье детей во всех развитых странах (первенствует среди них Япония) переносится на ранний возраст, поскольку уже доказано: **та страна, тот народ добьются наибольших достижений в своём развитии, кто в наибольшей мере сумеет использовать поистине неограниченные возможности, резервы раннего детства.**

Противостоять школьным болезням может только научная, природосообразная педагогика, ставящая в центр всех действий учителя — ребёнка, законы его развития, его врождённые способности. Песталоцци, Ушинский, Корф, Толстой, Макаренко, Шацкий, Корчак, Сухомлинский — вот кто поможет нам противостоять дидактогенной школе.

В каком состоянии находится здоровье ребят, как меняется от класса к классу? Каково оно у выпускников? На этот вопрос министр В. Филиппов ответил так: 40 процентов первокурсников вузов нуждаются в помощи врача, а не в занятиях физкультурой. Полноценный ответ на этот вопрос получить сегодня практически невозможно, поскольку современная медицинская статистика по поводу здоровья школьников в странах СНГ очень напоминает ту, что была во времена Писарева. Некоторое представление о состоянии здоровья выпускников, но только мальчиков, и то не всех, можно получить по результатам их медицинского обследования при ежегодных армейских призывах. Полные данные этих обследований не публикуются, объявляется только общий результат: здоровье выпускников с каждым годом резко ухудшается, и армиям СНГ всё труднее и труднее комплектовать контингент здоровых новобранцев.

Сравнительно верную картину состояния здоровья украинских школьников можно получить косвенно, если учесть последствия Чернобыля для здоровья детей, а также то обстоятельство, что по уровню материального положения населения (а значит, и по уровню питания, лечения, физической культуры, здорового образа жизни детей) Украина занимает последнее место среди всех стран СНГ. За прошедшие шесть лет реформ на Украине умерло 1,6 миллиона граждан, среди которых большинство составляют старики и дети. Эта цифра превышает

половину числа украинцев, погибших на фронтах второй мировой войны. Подобных темпов вымирания не достиг ещё ни один народ на Евразийском континенте. Некоторые специалисты утверждают: если эти темпы сокращения населения сохранятся, то в первом-втором десятилетиях XXI века на Украине останется около 3 миллионов человек. В сложившейся ситуации стремительного вырождения нации жизнь каждого человека, здоровье каждого ребёнка сегодня представляет для Украины величайшую ценность. Государство, страна, нация, если они надеются уцелеть, выжить, обязаны хранить, оберегать здоровье и жизнь своих детей как зеницу ока, немедленно прекратить губить здоровье детей в школе — для этого деньги не нужны.

И здесь невольно возникают вопросы: чем занимаются министры образования, их замы, полчища наробразовских чиновников? Или они не знают, что творится на уроках, на экзаменах в подведомственных школах? Что думают об этом президенты, премьеры, парламенты, депутаты, профсоюзы, медицинские светила, учёные мужи, педагогические академии? И самый острый вопрос: а что же мы сами? Разве не про наших детей речь? Не ослепли же мы настолько, чтобы не видеть, как высиживают до ночи над уроками наши несчастные первоклашки, не имея сил раздеться, доползти до кровати, как они мечутся, стонут во сне? Как трудятся по субботам и воскресеньям, когда мы сами отдыхаем? Как теряют веру в себя, интерес к учёбе и к самой жизни? Что же мы за родители — ленивые, равнодушные, трусливые? — если не вмешаемся, не защитим своих детей?!

Среди множества причин бездействия общества есть две главные: отсутствие учебно-трудового законодательства, а также отсутствие ответственных и спроса с них за состояние здоровья школьников (студентов, учителей).

А ведь давно пора понять, что учёба — труд, как и любой другой, а учащийся (будь то первоклассник, выпускник, студент) — такой же труженик, как представители любой другой профессии, и должен обладать равными с ними социально-трудовыми правами.

Только отдавая себе ясный отчёт в том, какую угрозу здоровью, жизни детей, юношества, а значит, и народа, нации представляет собой школа в своём нынешнем состоянии, можно отважиться на самые кардинальные, решительные меры. Учебно-трудовое законодательство обязано будет закрепить такие основные положения:

Здоровье детей и юношества — главнейшая ценность общества, государства и каждого без исключения учебно-воспитательного учреждения, главной задачей, целью которых является охрана здоровья своих питомцев. Больным людям знания не нужны, они теряют смысл.

Здоровье каждого ребёнка, подростка, юноши в любом учебно-воспитательном учреждении должно значительно улучшиться к его окончанию. Если семья в силу разных причин (материальных, культурных, недостаточной квалификации, ответственности родителей и т.п.) не может обеспечить охрану, развитие здоровья детей, то учебно-воспитательные учреждения могут и обязаны сделать это.

Установить в школе, во всех других учебно-воспитательных учреждениях строго нормированный для каждого возраста учебный рабочий день, рабочую неделю и два выходных дня.

Пора хотя бы теперь, на пороге третьего тысячелетия предоставить учащимся (и учителям) те же права, которыми уже более столетия пользуются люди других без исключения профессий.

Для школ, ПТУ и среднеспециальных учебных заведений установить сокращённый рабочий день, как для несовершеннолетних на обычном производстве, т.е. пяти-шестичасовой рабочий день.

Если этот 5–6-часовой рабочий день снижать пропорционально возрасту в других классах, то получим такую продолжительность учебно-трудового дня:

- 11-е классы — 6 часов;
- 10-е классы — 5,5 часа;
- 8–9-е классы — 5 часов;
- 6–7-е классы — 4 часа;

- 4–5-е классы — 3 часа;
- 2–3-е классы — 2,5 часа;
- 1-й класс — 2 часа.

Сверх того может быть лишь 1–1,5 часа «сверхурочных» занятий физкультурой, спортивными играми, физическим трудом, танцами, пением, но ни в коем случае чисто учебных, «сидячих».

Установить оптимальную продолжительность урока пропорционально возрасту школьников. Если взрослые или совершеннолетние студенты имеют лекции продолжительностью 45 минут, то снижая её пропорционально возрасту школьников, получим такую продолжительность уроков в разных классах:

- 9–11-е классы — 35–40 минут;
- 6–8-е классы — 30 минут;
- 3–5-е классы — 25 минут;
- 1–2-е классы — 20 минут.

Установить следующую продолжительность перемен соответственно возрасту школьников:

- 9–11-е классы — 10 минут малые, 20 минут большие;
- 6–8-е классы — 15 минут малые, 20 минут большие;
- 3–5-е классы — 15 минут малые, 25 минут большие;
- 1–2-е классы — 20 минут малые, 30 минут большие.

При таком разном перемен в разных классах неизбежен вопрос: как же быть со звонком, не нарушается ли при этом весь школьный порядок? Если порядок в школе держится действительно только на звонке и одинаковой продолжительности уроков и перемен, независимо от возраста, психофизических сил, выносливости учащихся разных классов, то тогда при таком нововведении всё в ней, конечно, перевернётся вверх дном.

Но задумаемся: ради уменьшения вредного воздействия шума на здоровье людей давно отменены фабрично-заводские, паровозные, автомобильные гудки. И только в школе из урока в урок, изо дня в день, из года в год — 11 лет подряд звонок продолжает истязать слух и нервы детей (да и учителей). Везде, кроме школы, дети прекрасно обходятся без звонка, даже в яслях, садах, во внешкольных учреждениях, в быту.

Полностью ликвидировать домашние задания. Все учебные дела должны быть выполнены, закончены в течение учебного дня в школе точно так, как все свои служебные дела люди других профессий стремятся выполнить на производстве. Шахтёр не носит домой отбойный молоток, лопату, не возится с ними дома — он достаточно наворочался ими в шахте. Ни один представитель любой другой профессии не таскает туда и обратно орудия своего труда. И только согбенные и несчастные дети ежедневно транспортируют в школу и домой свои «отбойные молотки», которые с каждым годом всё тяжелеют, всё безжалостнее сгибают их спины, пригибают всё ниже к земле. В этих каменных рюкзаках, ранцах, портфелях — десятки книг.

Довольно! Хватит детям этого никому не нужного бурлачества, хватит горбить спины — натаскались! Если хотят, пусть таскают ранцы те дяди и тётки, которые такую школу придумали.

Пора отменить все виды экзаменов во всех без исключения учебных заведениях.

Давно пора установить ежегодное комплексное медицинское обследование учащихся (и учителей) — в начале, в середине и в конце учебного года. Если обследование в конце года покажет, что общее состояние здоровья большинства учащихся (и педагогов) ухудшилось в сравнении с началом года, то руководители таких учебных заведений освобождаются от своих должностей без права занимать их в будущем.

Если такая же картина будет обнаружена в большинстве учебных заведений посёлка, города, района, области, страны, то такой же мере наказания подвергаются руководители органов образования — вплоть до министра. Результаты медобследования в середине года покажут этим руководителям реальное состояние здоровья учащихся и учащихся и вынудят

принять надлежащие меры в случае необходимости. Статистические данные по результатам этих медобследований должны широко публиковаться в печати, стать достоянием общества.

Если здоровье учащихся (и педагогов) в стране в целом ухудшается более 1,5–2 лет подряд, то правительство и президент отправляются в отставку.

Если в ходе выяснения причин ухудшения здоровья учащихся окажется, что виной тому является учитель (преподаватель), его профессиональная и человеческая несостоятельность, то такой учитель (преподаватель) дисквалифицируется — лишается учительского звания (профессии) и права приобрести его вновь.

Мне могут возразить: ничего подобного школе никогда не предлагалось, сослаться на мировой опыт, особую, недоступную пониманию простых смертных специфику образования и т.п. Но подобное предлагалось и предлагается школе на протяжении всей её истории, и эти предложения, по существу, ничего нового собой не представляют. И предлагалось не дилетантами, а великими педагогами, профессионалами.

Некоторые из этих предложений вносил в своё время даже великий наш поэт А.С. Пушкин.

В 1826 г. по просьбе императора Николая I он представил записку по поводу реформы образования, в которой, в частности, предложил отменить («уничтожить») экзамены («...так как в России всё продажно, то и экзамен сделался новой отраслью промышленности для профессоров. Он походит на плохую таможенную заставу, в которую старые инвалиды пропускают за деньги тех, которые не умели проехать стороною»), а преподавание истории отнести на как можно более старший возраст учащихся («К чему давать младенствующим умам направление одностороннее, всегда непрочное?»).

Заодно Пушкин предложил императору «уничтожить телесные наказания» в кадетских корпусах: «Надлежит заранее внушать воспитанникам правила чести и человеколюбия. Не должно забывать, что они будут иметь право розги и палки над солдатом. Слишком жестокое воспитание делает из них палачей, а не начальников».

Многое из предлагаемого здесь в том или ином виде успешно применялось и применяется в школах во всём мире. Но даже если бы в прошлом и настоящем ничего подобного действительно не было, то что из того? Были ведь времена, когда во всём мире во всех видах производства рабочий день достигал 10–12–14 часов при одном выходном и мизерной оплате. Но по мере того как рабочие осознавали свои права, силу, возможности, разворачивалась борьба за человеческие условия труда и его достойное вознаграждение. В результате во всём мире давно установлены восьмичасовой рабочий день, два выходных и приличная зарплата (правда, последнее ещё не во всех странах и, конечно, не у нас).

В школе этого не произошло и не происходит теперь только потому, что дети есть дети, они слишком малы, чтобы собственными силами отстаивать свои права.

Казалось бы, на это вполне способны студенты. Но вся особая, тонкая «специфика» образования заключается именно в том, что, пройдя в детстве через школу, студенты (как и все взрослые) настолько привыкают к сложившемуся, устоявшемуся в ней (и в образовании в целом) порядку вещей, он представляется им настолько естественным, неизбежным, единственно возможным, что им и в голову не приходит мысль о необходимости и возможности изменить его. Все многовековые попытки великих педагогов, их страстные призывы коренным образом изменить этот пагубный для детей и юношества порядок вещей, даже показ на практике того, как это можно сделать, не дали желаемых результатов.

В сравнении с прошлым положение школы, образования в современном мире коренным образом изменилось. В отличие от прошлого, когда контингент учащихся (и учителей) был ограничен, сегодня через школу проходит каждый без исключения ребёнок, подросток, юноша, высшее образование захватывает всё большую массу молодёжи, а учительская профессия стала самой массовой. Пагубное воздействие школы достигло своего апогея, оно обрушивается теперь на здоровье детей и юношества. Учительство стало ныне одним из самых многочисленных, могущественных профессиональных отрядов. Оно кровно заинтересовано в коренных переменах в школе, поскольку господствующие в ней порядки стали невыноси-

мыми не только для детей, но и для учителей. В целом и общество созрело для осознания того критического состояния, в котором оказалась школьная (и вузовская) учёба, здоровье подростков, и для принятия соответствующих мер, решений. Сегодня, может быть, впервые в истории возникли реальные предпосылки для разработки и принятия учебно-трудового законодательства.

Учёба в своём истинном природном виде, не отягощённом извращениями учебных заведений, — занятие чрезвычайно увлекательное, приносящее истинное удовольствие и наслаждение. В силу этого ученик может мало считаться со временем. Но именно такой вид, тип учёбы не таит, не содержит в себе угрозы, ущерба здоровью, даже и при своей «сверхурочности», поскольку ученик учится в этом случае по собственному желанию, в своё удовольствие. Это присуще любой профессии, а не только учащемуся и учителю. Столяр, кузнец, садовод, инженер, певец, художник, музыкант во внеслужебное время с удовольствием продолжают свои профессиональные занятия по собственной охоте, по увлечению. И именно так, в своё удовольствие, без понуканий, нормирования и без усталости и совершенно самостоятельно учатся, познают окружающий мир малые дети, особенно младенцы. И учатся потрясающе успешно! По крайней мере младенцы по своей собственной методике, секреты, тайны которой и сегодня непонятны, недоступны взрослым, самостоятельно осваивают человеческую речь, обретают самые сложные человеческие умения. Лев Толстой заметил как-то, что от года до пяти — такая же мера познания, как от пяти до семидесяти.

Так что нет необходимости вносить в учебно-трудоное законодательство какие-либо нормы на домашние задания — законом они должны быть полностью запрещены. Но при этом нужно отдавать себе отчёт: если школа сумеет развить любознательность, интерес к учёбе у своих учеников, мотивацию, то при этом отпадут перегрузки, дети сами определяют меру работы, отдыха, станут высыпаться, не забудут о спорте и т.п.

Хорошо, — скажет непредвзятый, доброжелательный оппонент, искренне болеющий за школу и детей. — Учебно-трудоное законодательство действительно необходимо и способно изменить дело к лучшему. Но как его сегодня вводить, если школа к этому совершенно не готова? Если в массе своей не готов к этому прежде всего учитель — не владеет новыми образовательными технологиями, приёмами самообразования, не может научить детей самостоятельно учиться? Нет пока новых сокращённых программ и учебников; многое ещё требует экспериментальной проверки и т.п.

Вопросы серьёзные, справедливые.

Но школа (и вузы) к подобному повороту событий не были готовы раньше, не будут готовы впредь, если не ввести учебно-трудоное законодательство. Именно из-за его отсутствия в образовании в целом никогда не было достаточно мощного стимула, побуждавшего к своевременным переменам, нововведениям, реформам, которые диктует жизнь. Когда рабочие добивались 8-часового рабочего дня вместо 10–12-часового, то их совершенно не интересовало, готовы ли к этому фабрики и фабриканты, они знали одно: чрезмерный, ненормированный труд увечит их здоровье, укорачивает жизнь!

Когда вводились законы по охране труда, по технике безопасности, законодателей тоже не интересовало, готовы ли их исполнять предприятия — не готовы, так закрывайтесь, но не калечьте, не убивайте своих работников!

Наконец, когда горит дом, разве его не тушат немедленно, не тратя времени на выяснение причины загорания? Когда же мы наберёмся мужества и признаем: нужно немедленно, всем миром тушить этот адский школьный пожар!

Так что учебно-трудоное законодательство нужно принимать, вводить немедленно. Сегодня. Сейчас.

Другое дело, что его ещё нет, его ещё предстоит разработать, тщательно обсудить, взвесить и только после этого принять, утвердить. На это уйдёт немало времени. Но и приняв учебно-трудоное законодательство, вовсе не обязательно все его положения вводить в действие в один день. Вводить сразу можно и нужно те из них, которые совершенно не терпят отлагательства: сокращённый учебный день, сокращённые уроки, два выходных, отмену всех

экзаменов. Сокращение рабочего дня и уроков можно вводить поэтапно: в первый срок, например, сократить их на половину общего объёма сокращения. Подобным образом можно поступить и с домашними заданиями: в законе определить сроки поэтапного их сокращения и полной отмены. Можно определить и оптимальный, приемлемый для вузов срок отмены вступительных экзаменов. Разумеется, эти сроки должны быть предельно сжатыми.

Школа, вузы, педагогическая наука, система переподготовки педкадров, органы управления — всё образовательное сообщество будут самыми активными, заинтересованными участниками разработки учебно-трудового законодательства. Им и карты в руки — чтобы всё предусмотрели, включая и оптимальные сроки введения законодательства.

Главное сегодня — начать и как можно скорее завершить его разработку и принятие. Это само по себе станет мощным побудительным, мобилизующим фактором для положительных перемен в системе образования.

Если трудно или вовсе не возможно добыть подробную статистику о состоянии здоровья школьников, его динамике по годам учёбы, то статистику состояния здоровья учителей по годам службы искать бесполезно — её никогда не было и нет сейчас: **комплексное медицинское обследование учителей никогда не проводилось и не проводится**. Раз в год учителя проходят флюорографию. На этом и кончается забота медицины, общества, государства об учительском здоровье. И это вопреки тому, что ещё в 1966 г. Межправительственная конференция при ООН приняла «Рекомендацию о положении учителей», в разделе «Медицинские осмотры» которой записано (п. 53): «Учителя должны подвергаться периодическим медицинским обследованиям, которые должны быть бесплатными». Теперь это делается даже в Африке.

Так равнодушно, жестоко относится государство не только к здоровью учителей, но и к условиям их труда, отдыха, жилищно-бытовым, к заработной плате, к престижу учителя. По этим показателям жизни и деятельности учителей соответствующей статистики тоже днём с огнём не сыщешь. До конца 80-х годов она находилась, по существу, под негласным запретом.

Новосибирским учёным (Л. Колесников, В. Турченко, Л. Борисова) удалось установить, что «учителя по числу больничных листков... «бьют рекорд», оставляя позади представителей всех других профессиональных групп... что несмотря на 48-дневный отпуск, учитель имеет в году меньше свободных дней, чем трудящийся с 15-дневным отпуском.

По мере роста гласности, демократизации пробиваются в широкую печать и результаты исследований новосибирцев. Вот результаты их исследований, касающиеся прежде всего учительского здоровья, т.е. продолжительности и характера труда.

«В действующем законодательстве нет нормы, которая специально регулировала бы в целом рабочее время педагогов. В основу правового регулирования его продолжительности до сих пор положена только преподавательская работа как единственный показатель учёта педагогического труда во времени. Труд учителей измеряется и нормируется лишь в той части, которая характеризуется количеством проводимых уроков, в то время как большая его часть (подготовка к урокам, проверка тетрадей, внеклассная и внешкольная работа и т.п.) остаётся до сих пор официально не учитываемой трудовой нагрузкой.

Увеличение рабочего времени учителя обусловлено тем, что нет чёткости в определении его обязанностей. Отсутствие обоснованных и юридически узаконенных норм, опирающихся на научные исследования в области организации педагогического труда, — одна из причин того, что фактическая продолжительность рабочего дня учителя стала величиной неуправляемой и в целом значительно превышает трудовую нагрузку большинства категорий работников народного хозяйства. Сравнительный анализ показывает, что она в среднем больше, чем у директоров и главных инженеров промышленных предприятий... Необходимо учитывать, что учителя — наиболее многочисленная в стране группа перегруженных работников. К тому же в её составе преимущественно женщины, которые выполняют почти всю домашнюю работу, воспитывают детей и т.д.

Некоторые виды ненормированного педагогического труда как бы узаконились, приобрели систематический характер. Большая трудовая нагрузка школьных педагогов приводит к

тому, что они вынуждены работать и в выходные дни. Так, около 60% учителей занимаются по выходным проверкой тетрадей и составлением поурочных планов, на что в среднем уходит около 4 часов. Среди преподавателей русского языка и литературы доля работающих по воскресеньям наибольшая — около 80%. Подготовка к урокам в течение всех дней недели, включая выходные, для многих учителей стала обычным делом, в то время как большинство трудящихся страны имеют два выходных дня.

Перегрузки учителей (по крайней мере ведущих преподавание в старших классах) вызваны превышением их поурочной нагрузки по сравнению с нормой. Действительно, некоторые учителя вместо 18 уроков в неделю по норме ведут иногда по 36 уроков и даже больше, хотя наряду с этим у части учителей количество уроков ниже нормы. Однако у предметников, имеющих по 18 уроков в неделю, продолжительность рабочей недели составляет почти 50 часов. Общая величина рабочего времени зависит не столько от педагогической нагрузки, сколько от других факторов: специфики преподаваемого предмета, места жительства, стажа, педагогического мастерства, от организации труда педагогов в школьном коллективе. Анализ показывает, что по 18 уроков в неделю имеют всего 10,8% педагогов; 19–20 уроков — 20,3%; 21–24 — 43,7%; 24 урока и более — 24,9%. Нагрузки ниже нормы имеют 3% учителей.

Переутомление школьных педагогов связано с самой спецификой труда: повышенной нервной напряжённостью в процессе работы с детьми, необходимостью постоянной мобилизации всех духовных сил и т.д. Однако прежде всего оно обусловлено именно значительным повышением нормы рабочего времени.

Очень многие учителя работают классными руководителями. Однако весьма неопределённой является величина фактических затрат времени на классное руководство. Разные исследователи называют цифры от 1,3 до 26 часов в неделю. Проведённый нами сравнительный анализ бюджета времени учителей, которые являются классными руководителями и которые таковыми не являются, показал, что средние фактические затраты на этот вид педагогического труда в конце 60-х гг. составлял около 4 часов, в конце 70-х — 6 часов, в конце 80-х — 7 часов в неделю. Однако этого времени явно недостаточно.

Недостаток свободного времени — одна из главных причин того, что многие, даже талантливые, педагоги разочаровываются в своей профессии, уходят из школы...»

Результаты исследований новосибирцев рисуют весьма удручающую, сказать по правде — позорную для нашей страны картину. Относится она к началу 90-х годов. А как обстоит дело сегодня, 6–7 лет спустя, — лучше или хуже? Что хуже, сомнений нет, но насколько? Да, очевидно, настолько же, насколько хуже, несчастнее стала вся наша жизнь. Правда, ещё нужно учесть, что **при любых состояниях нашей жизни школе в ней всегда хуже всех.**

Главные выводы исследований таковы:

— продолжительность рабочего дня учителя на много (в 1,5–2 раза) превышает продолжительность рабочего дня большинства других профессий;

— в сравнение с другими профессиями учитель имеет самые большие объёмы ежедневной сверхурочной работы и работы в выходные, которых фактически не имеет;

— вся сверхурочная работа, намного превышающая урочную, и работа в выходные, которая на всех производствах крайне ограничена, допускается только с согласия профсоюза и оплачивается в несколько раз дороже урочной (работа в течение нормированного рабочего дня), учителю не оплачивается — он выполняет её даром;

— объём ежедневного рабочего времени учителя не изучен, не пронормирован и не отражён в действующем трудовом законодательстве;

— здоровье, социально-бытовые условия, оплата труда, отдых, самочувствие, профессиональный престиж учителя всегда были и остаются за пределами общественно-государственного внимания, уважения, заботы;

— среди всех без исключения видов массового профессионального труда труд учителя самый нервно-напряжённый, изматывающий, тяжкий — поистине самый каторжный сегодня на земле труд.

Если подумаем об этом, то поймём: никакая другая профессия не требует ничего по-

добного от своих служителей. И тогда мы и без всяких медобследований сможем легко представить себе, какому профессиональному риску, ущербу подвергается постоянно, ежедневно учительское здоровье и в каком расстроенном состоянии оно находится.

Как здоровье школьников, так и здоровье учителей прямо зависит и больше всего страдает от двух факторов: ненормированной продолжительности их рабочего и учебного дня, недели, года и от предельного напряжения организма в течение этого времени. Но если школьники практически не могут ничего здесь изменить, то учителя должны и учебно-трудовое законодательство потребовать, и убийственное для них и ученического здоровья напряжение в учебно-воспитательном процессе снять. А для этого им придётся наконец **осознать свои реальные силы, могущество и вытекающие из этого неограниченные возможности**, которыми они давно располагают. Но — не пользуются.

г. Киев